

Высокие достоинства И.Г. Спасского – хранителя отечественных ценностей, исследователя и популяризатора замечательных памятников истории и искусства остаются примером для последующих поколений ученых и музейщиков. Лично я как его современник и младший коллега безмерно благодарна судьбе за общение со столь выдающейся личностью, Человеком самых высоких нравственных достоинств.

Источники и литература

1. Сокровища Эрмитажа. – М.; Л., 1949. – С. 177–180.
2. *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1970. – [Т.] VIII. – С. 123–234; ил.
3. *Спаський І.Г.* Дукачи і дукачи України. Історико-нумізматичне дослідження. – К.: Наукова думка, 1970. – 168 с.; ил.

Шукина Е.С. И.Г. Спасский и собрание медалей Эрмитажа

В статье кратко излагается деятельность И.Г. Спасского в области изучения, музейного экспонирования и пропаганды русских и западноевропейских медалей из собрания Государственного Эрмитажа.

Ключевые слова: И.Г. Спасский, медальерное искусство, музейное экспонирование, Государственный Эрмитаж.

Шукіна Є.С. І.Г. Спаський і зібрання медалей Ермітажу

У статті стисло охарактеризована діяльність І.Г. Спаського в галузі вивчення, музейного експонування та пропагування російських і західноєвропейських медалей із зібрання Державного Ермітажу.

Ключові слова: І.Г. Спаський, медальєрне мистецтво, музейне експонування, Державний Ермітаж.

Schukina E.S. I.G. Spassky and the medals collection of the State Hermitage

Activity of I.G. Spassky in area of study, museum exhibiting and propaganda of the Russian and западноевропейских medals from collection of the State Hermitage is briefly expounded in the article.

Key words: I.G. Spassky, medal art, museum exhibiting, the State Hermitage.

УДК 7.071.929:2-317“Спасский”

Лада ВУИЧ
(Москва)

“Какое счастье ссудила нам судьба, послав в мир в доме бабушки Спасского!” Из воспоминаний Ивана Георгиевича Спасского

И.Г. Спасский не вел дневников, свои воспоминания он написал в возрасте 78 лет, когда в 1982 г. попал в онкологическую больницу – только в больнице у него оказалось несколько месяцев свободного от работы в Эрмитаже времени. Это пять общих тетрадей в клеточку по 48 листов, заполненных не всегда разборчивым почерком. Первая тетрадь посвящена Нежину. И сразу хочется привести записи, в которых Иван Георгиевич рассказывает об истории его семьи и о жизни в доме на Судейской улице.

Мама, Юлия (Ульяна) Николаевна (1864–1930) родилась в с. Михайлановке Конопольского уезда Черниговской губернии. Ее отец – украинский сельский священник Николай Алексеевич Переяславец (Переяславцев), происходил из казаков, оказался очень музыкальным, играл на скрипке и юношей организовал отличный хор при церкви в местечке Носовка. Черниговский архиерей Филарет при объезде епархии был так этим поражен, что забрал молодого человека к себе и сделал сначала помощником регента архиерейского хора, а потом и регентом [1]. Здесь он окончил семинарию, женился на Ефросинии Ивановне Малютиной, захудалой, бедной дворянке, обладательнице одной души – старушки; в 1858 г. был рукоположен в священники, служил в нескольких селах на Черниговщине – в Михайлановке, Выгуровщине еще при крепостном праве, а позже у себя на родине – в Носовке.

Старший брат Ивана Георгиевича – Феодосий Георгиевич в своем очерке «Памяти нескольких регентов и их певчих киевского района перед войной и во время нея»* рассказал о том, как “слепой случай” помог его деду создать замечательный церковный хор. Однажды о. Николай после поездки к черниговскому архиерею для обычного доклада возвращался на пароходике, заночевавшем в месте впадения Десны в Днепр, и поздно вечером услышал пение парубков и девчат на берегу. Утром он сошел с парохода со своим “путевым чемоданчиком” и отправился в село, где нашел старого и больного священника, который давно безуспешно искал себе замену, т.к. приход был бедный и никто не хотел сюда ехать. Они вдвоем составили прошение на имя архиепископа, а “парням и девчатам” о. Николай сказал, что научит их петь по нотам в церкви. Так он стал священником с. Выгуровщина и создал хор, “не чуждавшийся и светского пения”; слушать его приезжали специально из Киева. Заканчивается очерк следующим примечанием: “Переходя к современности скажем несколько слов о том, что потомки о. Николая Переяславца <...> в меру своих возможностей продолжают традицию православного церковного пения. Это регент, или, как он предпочитает выражаться, руководитель церковного хора Храма Памятника в Брюсселе, Николай Спасский, правнук о. Николая. Помимо его регентства и деятельности при Храме Памятника, он еще ведет вторую регентскую должность с Русским хором в Брюсселе, который объединяет не только церковное, но и народное пение. Его брат Сергей, регент церковного хора Св. Алексея в Париже <...> Они с успехом исполняют завет своего прадеда, несмотря на то, что оба родились и выросли за границей. Как счастлив был бы их предок, услышав их пение». Ф.Г. Спасский пишет о своих сыновьях, которые теперь уже умерли, но их дети пошли по тому же пути: сын Николая Феодосиевича, получивший духовное образование и монашеский постриг в Джорданвиле, сейчас служит в православной церкви в Брюсселе и, продолжая дело отца, руководит Русским хором. Дочь Сергея Феодосиевича, закончившая консерваторию, дирижер профессионального хора, исполняющего духовные сочинения, в т.ч. и русские.

Но вернемся к воспоминаниям Ивана Георгиевича.

Когда мама вышла замуж и поселилась в Нежине, дедушка стал священником в скиту Введенского женского монастыря в урочище “Ветхое”, расположенном под Нежином [2]. В дубовом лесу стояла на опушке церковь с примыкавшими к ней справа и слева

* Ця праця Ф.Г. Спаського, видана в 1960-х роках у США, уміщена в цьому ж випуску збірника з післясловом ніжинського дослідника Олександра Морозова (*ред.*).

Г.И. Спасский
(о. Георгий).
Фотография
1880-х гг.

Е.Ю. Спасская.
Фотография
1910 г.

Г.И. и Ю.Н. Спасские в национальных костюмах.
Фотография
1880-х гг.

Дети Г.И. и Ю.Н Спасских (слева направо):
Иван, Евгения, Феодосий, Василий, Георгий. Фотография 1909 г.

кельями. Помню, что дедушка любил приезжать на лошадке к нам, и часто забирал меня к себе. Жил он в маленьком домике – избе украинской под соломой, из сеней налево зальце с иконами в углу, диванчиком и столом перед ним, в зальцу выходили две комнаты – дедова и рядом бабушкина. Дедушка помещал меня у себя на каком-то сундучке. Он укладывал меня спать, а сам к завтрашней обедне готовился: нужно было много чего прочитать, и я на тени в соседней комнате на стене видел, как он читает большую книгу в кожаном переплете, становится на колени, кланяется. Эту деятельность деда заметил котенок, пригретый бабушкой, и решил с ним поиграть: затаился за раскладушкой с книгой, и когда дед, кланяясь, нагнулся, вцепился лапами ему в голову.

Исполнив обязанности перед Богом, дед хочет потешить душу: снимает со стены свою двустоволку, просматривает на свет стволы; на стене получается страшно, я начинаю хныкать, он приходит меня успокаивать. Дело в том, что, кроме скрипки, у него с молодости была еще одна страсть – охота, за что он однажды даже был отправлен на покаяние в монастырь. Мама в его правонарушениях смолоду участвовала: он будил ее ночью, тихонько запрягали лошадь, заезжали подальше, мама оставалась с лошадьо, а сам он отправлялся куда-нибудь на болото, чтобы поспеть к утренней заре на перелет уток. Маме было страшно – волки воют, где-то изредка выстрелы. Домой они возвращались до того, как кто-нибудь проснется.

Невольно вспоминается дьякон Ахилла из “Соборян” Лескова, тоже происходивший из казаков, который как-то ночью загнал двух зайцев. И дом дедушки, и уклад монастырской жизни – всё напоминает Старгород, место действия в “Соборянах”.

Деду и в его монастырьке с дюжиной монахинь нужен был хор, и вместо того, чтобы дремать в кельях, приходилось всем сколько-нибудь способным петь ходить на спевки. У деда в одной руке скрипка, в другой смычок, он тянет им мелодию, разучивая партии голосов, и, если услышит фальшь, достает виновную смычком по голове, а она складывает лодочкой кисти рук и кланяется: “Спаси Христос, батюшка!”

<...>

Среди моих бумаг есть описание Нежинского женского монастыря (из “Описания” Филарета Гумилевского). Там говорится и о монастырском училище для девочек. Открыла его игуменя Смарагда, и, видимо, в первый же прием попала и девица Ульяна Переяславцева – так написано в сохранившемся “Похвальном листе” 1875 года. В 1876 г., когда началась Русско-турецкая война, Смарагда сразу же ликвидировала училище и в его доме – большом, двухэтажном – устроила госпиталь для раненых офицеров.

Юлия Николаевна Спасская (Переяславцева) оставила интересные воспоминания об этом учебном заведении, в которых называет имена многих преподавателей и приводит историю монастырского училища от основания до закрытия. Ее воспоминания, написанные в 1927 г., обрываются на рассказе о поездке к сестре Марии в с. Хотиновку Нежинского уезда, где она “встретила своего дорогого мужа Георгия Ивановича”.

История жизни деда Ивана Георгиевича по отцовской линии изложена в некрологе, который написал о. Георгий под названием “Венок (от сына) на могилу протоиерея Иоанна Георгиевича Спасского” (в семейном архиве Спасских сохранился отдельно изданный оттиск некролога, опубликованного в “Черниговских епархиальных известиях”, № 24 за 1912 г.).

Иван Георгиевич (Егорович) Спасский (1826–1911) – сын священника, по окончании Калужской духовной семинарии, был рукоположен в священники архиепископом калужским Григорием, происходившим из Чернигова. Последний благословил моло-

дого священника отправиться служить в качестве миссионера в одну из новооткрытых единоверческих церквей Черниговской губернии.

Там он своим примерным пастырским служением приобрел общее уважение не только среди обращенных им, но и среди раскольников, подолгу, часто по целым часам, беседуя с ними, приходившими к нему на дом.

Более сорока лет о. Иоанн был “старшим” священником Троицкой церкви с. Попова Гора Суражского уезда Черниговской губернии, где снискал “неподдельное уважение и любовь” сослуживцев и духовных чад. Не переставая следить за миссионерским делом в России, он и сам издал книгу “Разбор мнений старообрядчества”. Добавим, что темой этой занимался в дальнейшем его внук Феодосий Георгиевич, читавший в парижском Свято-Сергиевском Богословском институте курс по истории раскола в России.

Некролог кончался словами, по которым можно судить о культурном уровне провинциальных священников того времени: “Покойный о[тец] протоиерей в совершенстве знал латинский язык и редкое из его многочисленных ко мне писем, полных высокого содержания, не заключало в себе одной–двух фраз на латинском языке. Позволю поэтому себе высказать последнее свое сыновнее благожелание ему на этом языке: *Sit tibi terra levis, o mi carissimo Pater!* (Пусть земля тебе будет пухом, дорогой мой отец!)”.

Внук и тезка о. Иоанна – Иван Георгиевич вспоминает о поездках к деду:

Я помню его стариком-священником в с. Попова Гора, расположенном на высоком берегу р. Беседи, по которой даже ходили тогда крошки-пароходики от Гомеля (из Нежина до Гомеля ехали поездом; есть фотография о.Георгия на пароходе “Рос” с надписью на обороте: “1913 г. Попова гора”). В селе – старинная деревянная церковь о трех куполах <...> На поколении детей Ивана Егоровича произошел распад семьи: два сына пошли по его стопам, а два стали – один военным, второй – учителем, уйдя из семинарии один в военное училище, второй – в Нежинский институт.

После смерти о. Иоанна приход унаследовал его сын Василий. Георгий Иванович, окончив в 1882 г. Черниговскую духовную семинарию, состоял учителем народного училища в с. Хотиновке Нежинского уезда, а в 1884 г. был рукоположен в священники Богородичной церкви Богоугодного заведения г. Нежина, где и жил с семьей до того, как построил свой собственный дом. С 1889 г. до конца жизни был священником Соборно-Николаевской церкви (Николаевского собора) и преподавателем Закона Божьего в различных учебных заведениях Нежина. Сохранились рассказы о необыкновенной доброте о. Георгия. И.Г. Спасский пишет о нем:

Отец был сплошная доброта: всегда с книгой и с папиросой, на веранде под гнездом мухоловок, улаживающий какие-то сердечные неурядицы множества людей <...> Его очень любили животные. По семейным преданиям, когда он жил в селе, так приручил пару поросят, что они бежали за ним до церкви, ожидали пока он служил, и с ним возвращались домой, а лошадь, когда он заговаривал с нею, останавливалась и клала голову на конец оглобли, чтобы видеть его. Воспитанная и прирученная мною галка ни в грош меня не ставила, но стоило ему появиться на балконе, как начиналась комедия: галка садилась на плечо и перебирала ему волосы. Он подметает метлой дорожку перед домом, она либо на его соломенной шляпе, либо пытается усидеть на конце ручки метлы.

Учившаяся у о. Георгия в гимназии Софья Пашутинская в своих воспоминаниях “Батюшка Спасский в моей жизни” пишет:

...игнорируя общепринятую манеру строгой маски неприступного учителя, оставался Георгий Иванович Спасский не зависимым от начальства, любимым и уважаемым ученицами, глубоко почитаемым населением, стойким “мужем сердца и ума” <...> Его необычайная скромность и строгость на исповедях привлекали к нему исповедоваться из других уездов и даже из Чернигова <...> Это был редкий пример “гражданина-пастыря”, мудрого, строгого, убежденного, не ищущего популярности среди населения <...> В дни еврейских погромов в 1905 г., а впоследствии белогвардейских банд его роль героического защитника избиваемых евреев была известна всем, весть о ней разнеслась далеко за пределами Нежина.

И.Г. Спасский рассказывает, что в 1905 г., когда черносотенцы избивали студентов-евреев “дед забирал их у толпы и уводил в алтарь, а потом приводил к себе домой”. С.Ф. Пашутинская упоминает о стихотворении “Пастырь добрый”, написанном на смерть отца Георгия журналистом Михаилом Сандомирским. Оно сохранилось в семейном архиве так же, как и напечатанные типографским способом на отдельном листе стихи псаломщика Николаевского собора П. Самчевского под заголовком “Слово произнесенное у гроба Дорогого Высокочтимого и Незабвенного Пастыря Протоиерея Отца Георгия Спасского” (вспоминается Слово дьякона Ахиллы на смерть протопопа Туберозова в “Соборях”).

В 1921 г. в нежинской газете “Червоне село” был напечатан некролог “Памяти Г. Спасского”, в котором читаем:

31 мая скончался священник Георгий Спасский. Смерть его была встречена нежинцами, в частности еврейским населением, как тяжелая утрата, так как покойный при жизни всегда, как и чем только мог помогал нуждающимся гонимым. Особенно ценна его помощь бедным евреям во время Деникинщины, когда он укрывал у себя в доме, сам с семьей ютясь в маленькой кухне, около 30 еврейских семей. И эта помощь была не только ценна, но и самоотверженна, так как был случай, что деникинцы обнаружили у него и требовали их выдачи, но С[пасский] ответил – “только через мой труп вы войдете к ним”. К счастью те не решились убить Г[еоргия] С[пасского]

<...>

И независимо от носимого покойным сана, всякий кто знал его искренно повторит слова надписи на одном из венков от евреев – “вечная память поборнику справедливости, защитнику угнетенных”.

В семейном архиве Спасских (в личном архиве автора) хранится еще она надпись, снятая с венка: “Любимому отцу Георгию Спасскому от соседей евреев”. К ней комментарием может служить отрывок из воспоминаний И.Г. Спасского:

Через несколько домов от нас, на углу был домик Иосифа Моисеевича Лондона. Его табачный магазин был в ограде Собора, где служил отец. В магазине стоял чудесный запах табака – я заходил туда с отцом (он курил). Утром, когда отец шел “служить” часов в 7–8 утра, Лондон отправлялся в синагогу, старостой которой он был. Каждый из них зорко всматривался вдаль, чтобы первым снять шляпу: так и расходились, держа шляпы в руках. Очень красивый, рембрандтовский старик был...

И.Г. Спасский по памяти нарисовал план родного дома со всеми комнатами, садом и дворовыми постройками и подробно его описал.

Наш дом в пять окон выходил на Судейскую улицу – на ней находилось старинное двухэтажное здание Окружного суда; время от времени мимо нас звеня кандалами

проходили [люди] из Гос[ударственной] Тюрмы, стоявшей среди базара (“Тюремный замок”). Будучи студентом и участником хора, когда-то я был там с концертом. Теперь мрачная стена “Замка” разобрана, а в здании помещены какие-то учреждения. Из тюрмы людей вели на суд конвойные солдаты.

Этот дом [дом Спасских – *авт.*], обложенный по дереву кирпичом, в котором я родился и вырос, подарил моим родителям на пороге века “ветховский дедушка”, купивший готовые сосновые брусья для него на пристани Кладьково на Десне. Наш дом казался мне очень большим, огромным. Центром его была, наверно, столовая, где по вечерам под большой лампой собиралось много народу, своего и пришлого. Лампы были предметом забот отца – керосинокалильные, с сеткой, которая сгорая, оставляла пропитанный чем-то скелет. Его разогревали спиртом, он через красноту становился ослепительно белым. В этой столовой было и мое место на диване под почтенными часами, в которых каждые полчаса возникал таинственный шум, потом звон, очень гулкий. В углу было две-три иконы, перед ними горела лампада. В столовой висели портреты, доставшиеся нам, когда умер ветховский дедушка и к нам переехала жить бабушка Ефросинья Ивановна. (Есть фотографии, сделанные с портретов). Позже Женя взяла их в Киев и там они пропали после ее ареста. Нашу улицу почему-то предпочитали ночные извозчики, ехавшие в город с вокзала от ночных поездов. В старом городе огромный культурный слой. Когда ехал мимо дома извозчик по булыжной мостовой, весь дом содрогался, и все, что в нем могло дребезжать – настенные часы, висячая лампа – оживало и долго не могло успокоиться, даже лампадка начинала размахивать своим язычком пламени.

В столовую открывалась чистая и светлая комната Жени, единственная с оштукатуренными стенами. Она называлась “девичья”, потому что с Женей там жила ее подруга по гимназии Варя Борзаковская. Столовую освещала застекленная дверь на веранду, где летом спало все молодое поколение, а дольше всех я, что мама очень одобряла. [Напомним, что в семье в это время было 5 детей: Евгения (Женя) родилась в 1891 г., Георгий (Жоржик) в 1894 г., Феодосий (Дося) в 1897 г., Василий в 1901 г. и Иван – в 1904 г. Еще были старшие дети, которые умерли раньше: Нина, Маруся и Коля, они похоронены на Богословском кладбище Нежина – *авт.*].

Самая большая комната – “зала” – сохранила стены из отструганной сосны, в ней всегда стоял приятный здоровый запах и было светло от пяти окон, трех на улицу и двух в сад. К запаху сосны примешивался горьковатый запах грецкого ореха, его ветки тянулись к окнам, а сам он был великим соблазном для мальчишек с улицы. В зале стоял письменный стол отца, дешевый, по-моему, из осины. Переезжая на ул. Халтурина (в Ленинграде) я бросил его в старой квартире и мне до сих пор неприятно об этом думать и жалко его, хоть он весь изъеден был шашелью и под ним все время скоплялась древесная пыль.

Митрополит Филарет (Гумилевский).
Литография П. Бореля. 1850-е гг.

За залой была прихожая, тоже с деревянными стенами. Ее достопримечательностью были сундуки. Один огромный с музыкальным замком, издававшим звон при отпирании и запираании. Второй – из Ветхого, от бабушки, – “скрыня”, сундук невесты, на колесиках, в виде стола со скошенными стенками. Рядом с прихожей была комната мальчиков Жоржика и Доси – “хлопичья”, там обычно было много народу.

Наш дом был пристанищем молодежи. Очень популярен был крокет; сперва ходили играть в Графский сад, а потом завели у себя и иногда играли допоздна при лампах! На рождество, как водится, бывала елка, последняя – в 1913 г. <...> Елка устраивалась в сочельник, в который праздновались и женины именины. С того времени, как я стал что-нибудь соображать, я был убежден, что нет никого прекраснее, красивее, умнее и добрее Жени. Я бесконечно обязан ей, ее тактичному, ненавязчивому руководству мною, моими интересами, увлечениями. И как у нее хватало заботы обо мне, когда и ей

не сладко было? <...> Когда после смерти отца (в 1921 г.) она приехала из Крыма, то взялась за меня и я, чуть-чуть окультуренный, оказался в институте на подготовительном отделении. В это время с Женей и нашей семьей познакомился Владимир Иванович Лесючевский [3], черниговец родом. Он учился в Ленинграде (Петрограде) и, от голода, наверно, года на два задержался в Нежине, где стал заведовать городским музеем – маленьким домом на Киевской улице. Мы очень подружились, он постоянно бывал у нас; сообща мы делали выезды за город, например, в Орешное – на носовские лесные хутора, где было прекрасное городище с кольцевым валом. Вероятно в 1921 или в 1922 г. по его рекомендации приехал из Ленинграда (Петрограда) Николай Петрович Сычев [4] – директор Русского музея, художник, и я стал его спутником в выездах на пейзажи, а как полезно было мне это общество! Через год Николай Петрович приезжал в Нежин, Чернигов и Киев, и я сопровождал его в поездке в Чернигов, куда приехала группа студентов и Н[иколай] П[авлович] показывал им город, а в Киеве были устроены леса в куполе св. Софии, и мы под руководством Николая Павловича с Лесючевским промывали мозаику Пантократора, недели две проводя на крыше св. Софии.

Е.Ю. Спасская в украинском национальном костюме.
Фотография 1910-х гг.

На этом эпизоде, определившем дальнейшую жизнь И.Г. Спасского, связанную с Ленинградом, можно прервать его воспоминания о Нежине, где прошло его детство, юность, где он начал формироваться как личность, как музейщик и ученый.

В качестве заключения хотелось бы привести отрывок из письма, в котором Иван Георгиевич обращается перед своей смертью к сестре Жене, умершей десятью годами ранее:

Добрый мой Ангел, дорогая старшая сестра моя! Спасибо тебе, моя постоянная радость и гордость! Почувствовал, что живу последние годы и дни: пора благодарить тебя за ДОБРО и ЛЮБОВЬ, которых я, паршивец, наверно и не заслуживал! Ты для всех нас была добрым ангелом, повторив в себе нашего праведного Отца. Я счастлив, что до

того, как был отдан в убивающую душу гимназию, был сослуживцем его в церкви <...> Как радостно было “помогать” ему служить Богу в пустой церкви с парой нищих у порога <...> И в воскресенье при полном храме виться около нашего доброго Отца – праведника Божьего! Спасибо ему за добро, которое он источал из себя! Какое счастье ссудила нам судьба, послав в мир в доме батюшки Спасского!

Комментарии

1. Эта встреча определила судьбу Н.А. Переяславца. Филарет Гумилевский (1805–1866) – архиепископ Черниговский и Нежинский, любимый ученик Московского митрополита Филарета, давшего ему свое имя и сделавшего его ректором Московской духовной академии, член Общества истории и древностей российских, автор многих трудов, в т.ч. “Историко-статистического описания Черниговской епархии”, в 7-ми книгах (Чернигов, 1873), на которое ссылается далее И.Г. Спасский. Филарет Гумилевский, как сказано в его биографическом очерке, “был кроток в обращении с людьми, им всегда руководило чувство врожденной скромности, смирения, строгости к себе и уважения к человеку. <...> Любовь к пению сохранилась у него на всю жизнь и уже будучи архиереем, несмотря на свою постоянную занятость, он часто присутствовал при спевках, у него был замечательный хор”. В 2009 г. решением Священного Синода Украинской Православной Церкви архиепископ Филарет Черниговский был причислен к лику местночтимых святых Черниговской епархии (день памяти 9 августа). (см.: Филарет Гумилевский [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия [вэб-сайт]. – [22.08.2010]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Филарет_\(Гумилевский\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Филарет_(Гумилевский)) (21.09.2010)).
2. Архиепископ Филарет в описании Черниговской епархии пишет, что Нежинский женский монастырь возник около 1660 г. Он получил свое название по церкви Введения во храм Богородицы, которая была сначала деревянной, а в 1778 г., после пожара ее заменили каменной (ныне отреставрированной). В воспоминаниях уроженца Нежина Александра Николаевича Лазаренко рассказывается о жизни монастыря перед революцией, когда в городе принадлежала монастырю большая усадьба на ул. Миллионной и двухэтажная гостиница на углу Гоголевской площади*, которая, как он пишет, “считалась самой аристократической и дорогой. Условия были настолько комфортабельны, что богатые холостяки жили там постоянно. Помимо усадьбы в городе, монастырь имел скит в лесу около с. Ветхого, где была церковь и сельскохозяйственная ферма. Священником там был Спасский-старший – отец священника Георгия из Собора” (автор ошибается: священником был тесть отца Георгия Николай Алексеевич Переяславцев, Ветхое также не было селом – это было урочище на западной окраине Нежина, ныне входящей в границы города). В 1936 г. монастырь был закрыт, а храм действовал до 1947г. как приходской. В 1998 г. Введенский монастырь вновь открылся (см.: Нежин. Свято-Введенский женский монастырь [Электронный ресурс] // Народный каталог православной архитектуры [вэб-сайт]. – [11.02.2008]. – Режим доступа: <http://sobory.ru/article/index.html?object=08184> (21.09.2010)).
3. Владимир Иванович Лесючевский родился в Чернигове в 1898 г., умер в Ленинграде во время блокады зимой 1942 г. Семья Лесючевских в 1902 г. переехала из Чернигова в Петербург. Он с раннего детства полюбил искусство и археологию. Учился рисованию и живописи, посещая студии М. Добужинского, В. Кардовского и других известных художников. Поступив на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, он одновременно изучал древнерусское искусство под руководством профессора Н.П. Сычева и вскоре стал научным сотрудником Русского музея, в котором проработал 12 лет. Окончив заочно археологическое отделение, побывал в 1937 г. в Саркельской экспедиции, возглавляемой М.И. Артамоновым. К середине 1930-х годов относятся первые работы В.И. Лесючевского в области книжной графики. Им были оформ-

* По приводу Гоголівської площі та монастирського готелю О.М. Лазаренко у своїх спогадах допускає неточність. До 1926 р. цієї площі не існувало взагалі. Тут на розі Гоголівської і Київської (нинішньої Шевченка) вулиці дійсно знаходився двоповерховий готель, який належав не жіночому Введенському монастирю, а чоловічому Благовіщенському. Останньому з 1716 р. був підпорядкований Ветхоріздвяний чоловічий монастир, поруч із котрим знаходився скит згаданого жіночого монастиря (*ред.*).

лены многие серийные издания Эрмитажа, а также “Путеводитель по выставке “Греко-римский и византийский Египет”, “Сообщения археологической экспедиции “Моздокский могильник” и др. В дальнейшем он иллюстрировал художественную литературу и занимался станковой ксилографией. Последними работами художника стали рисунки, запечатлевшие Ленинград 1940–1941 гг. У И.Г. Спасского хранился акварельный автопортрет Владимира Ивановича (размер 21×30 см), который он передал в 1980 г. в Черниговский исторический музей. В Нежине В.И. Лесючевский известен, прежде всего, как создатель первого городского публичного музея – Музея истории и этнографии (1920–1921 гг.).

4. Николай Петрович Сычев (1883–1964) – искусствовед, реставратор, археолог, художник. В 1921–1925 гг. был директором Государственного Русского музея; руководил открытием мозаик XI в. в киевском Софийском соборе, реставрацией храмов во Владимире-на-Клязьме, Суздале, Дмитрове, Покровского собора (храма Василия Блаженного) в Москве; в 1920-х годах состоял членом Общества художников им. А.И. Куинджи и группы “Шестнадцать”, и принимал участие в их выставках. Сохранился портрет И.Г. Спасского, написанный Н.П. Сычевым в 1928 г. “Когда я закончил университет, и уезжал домой (в Нежин) – пишет И.Г. в своих воспоминаниях, – я пришел к Н.П. Сычеву, он усадил меня и за час-два, прописал мой портрет”. В 1933 г. Николай Петрович был арестован по “делу славистов” с обвинением в участии в контрреволюционной организации “Российская национальная партия” (по тому же делу проходил и И.Г. Спасский) и осужден на 8 лет лагерей. Реабилитирован Н.П. Сычев был в 1964 г. через несколько месяцев после смерти.

Скит Свято-Введенского женского монастыря. Нежин. Ветхое. Открытка конца XIX в.

Вуїч Л.І. “Яке щастя надала нам доля, пославши явивши на світ у будинку бютюшки Спаського!” Зі спогадів Івана Георгійовича Спаського

Спогади І.Г. Спаського починаються з історії родини і опису будинку, в якому пройшло його дитинство. Батько Івана Георгійовича – священник найбільш давньої церкви в Ніжині – Миколаївського собору, користувався великою пошаною у городян і залишився в їх пам’яті “поборником справедливості і захисником пригноблених”. Автор розповідає про устрій життя великої і дружної родини. У будинку Спаських завжди було багатолюдно: п’ятеро дітей, їх друзі з гімназії й інституту; люди, що постійно приходили за порадою і допомогою до о. Георгія; представники ніжинської інтелігенції. Спогади переносять читача до Ніжина 1900–1920-х років.

Ключові слова: родина Спаських, Іван Георгійович Спаський, спогади, Ніжин.

Вуич Л.И. “Какое счастье ссудила нам судьба, послав в мир в доме батюшки Спасского!” Из воспоминаний Ивана Георгиевича Спасского

Воспоминания И.Г. Спасского начинаются с истории семьи и описания дома, в котором прошло его детство. Отец Ивана Георгиевича – священник самой древней церкви в Нежине – Николаевского собора, пользовался большим уважением у горожан и остался в их памяти “поборником справедливости и защитником угнетенных”. Автор рассказывает об укладе жизни большой и дружной семьи. В доме Спасских всегда было многолюдно: пятеро детей, их друзья по гимназии и институту; люди, постоянно приходившие за советом и помощью к о. Георгию; представители нежинской интеллигенции. Воспоминания переносят читателя в Нежин 1900–1920-х годов.

Ключевые слова: семья Спасских, Иван Георгиевич Спасский, воспоминания, Нежин.

Vuich L.I. “What happiness a fate gave us, sending in the world in the house of father Spassky!” From Ivan Georgievich Spassky’s memoirs

Ivan Georgievich Spassky’s memoirs begin with the history of his family and the description of the house where he spent his childhood. Ivan Georgievich’s father was a priest in the oldest church of Nezhin – St. Nicholas Cathedral. People of Nezhin had a profound respect for him and they remembered him to be “the upholder of fairness and the protector of those oppressed”. The author tells how his large and close family lived. There was always crowded in Spassky’s house: five children, their schoolmates and fellow students; people who came every day to Father George to ask his advise and help, the representatives of Nezhin’s intelligentsia. Memoirs carry the reader into Nezhin of 1900–1920s.

Key word: family of Spasskiy’s, Ivan Georgiyeyich Spasskiy, memories, Nezhyn.

УДК 7.071.929:2-317“Спасский”

Николай КОТЛЯР
(Киев)

“Влияние учителя вечно!” (Об Иване Георгиевиче Спасском)

Обычно воспоминания строятся по нехитрому принципу: вспоминающий и тот, о ком вспоминают. Буду изо всех сил стараться, дабы моя скромная персона отошла все же на второй план. Итак...

1. **Знакомство.** 1959 г. Иван Георгиевич приезжает в Киев и в малом конференц-зале Академии наук прочел лекцию о нумизматике Украины. Я попал на нее, в общем, случайно: в библиотеке Академии наук, где я работал, вывесили объявление, что хранитель Эрмитажа И.Г. Спасский выступит с лекцией. Собралось человек 50, и он в своей интеллигентной манере негромко рассказал нам и о кладах, особенно Лаврском 1898 г., и об исследованиях, и о том, что бы нужно изучать в Украине, буквально насыщенной невостребованными кладами и монетами, и в конце о дукачах. Лекция сопровождалась диапозитивами и произвела большое впечатление, и не только на меня. Кстати, его книгу о дукачах мне удалось в будущем издать в Киеве в 1970 г. После я по-